

БРАТСКАЯ БЕСѢДА

Народная газета, издаваемая при Холмскомъ Православномъ Св.-Богородицкомъ Братствѣ на русскомъ и местномъ малорусскомъ языкахъ, въ объемѣ полутора печатного листа, выходящая два раза въ мѣсяцъ.

Задача газеты—поднятіе религіозно-національного самосознанія русского населенія, его умственного, нравственного и общественно-политического развитія и материального благосостоянія.

Подписьная цѣна на годъ одинъ рубль пятьдесятъ копѣекъ, на полъ года семьдесятъ пять копѣекъ съ перес. Отдѣльный номеръ пять коп., а съ пересылкой семь коп. Отдѣльные номера продаются въ Холмской братской лавкѣ. Здѣсь же принимается подписька на „Братскую Бесѣду“ отъ городск. и пріѣзжихъ лицъ. Подписные деньги, посылаемы по почтѣ, направляются по адресу: г. Холмъ, Любл. губ. Редакція газеты „Братская Бесѣда“.

Статьи и корреспонденціи, присылаемые въ редакцію должны быть подписаны авторами съ обозначеніемъ условій на которыхъ они могутъ быть напечатаны; статьи безъ обозначенія этихъ условій считаются бесплатными; признаются нѣудобными для напечатанія статьи и замѣтки редакція не обязывается сохранять для возврата ихъ авторамъ. Поступившія въ редакцію статьи могутъ, по усмотрѣнію редакціи подлежать измѣненіямъ и сокращеніямъ.

Редакція „Братской Бесѣды“ покорнейшее просить лицъ, не внесшихъ подписной платы, поспѣшить съ высылкой ея.

Помогите братьямъ!

Галицко-русскія газеты Часодая въ Петербургѣ получены съ пустыми бѣлыми столбцами, на которыхъ крупными буквами красуется слово „Конфіковано“. Это работа австро-польской прокуратуры.

Но что случилось у Карпатъ? О чёмъ поляки запрещаютъ русскимъ печатать? Въ селѣ Жулинѣ, около города Сtryя, у подножія русскихъ Карпатъ, учитель-полякъ, пламенный въехпольский агитаторъ и полонизаторъ, потребовалъ, чтобы его ученики — русскія дѣти читали молитву „Отче нашъ“ по-польски. Но одинъ мальчикъ имѣлъ смѣлость заявить, что онъ русскій и хочетъ молиться по-русски, а не по-польски. Учитель его избилъ, и черезъ нѣсколько часовъ этотъ маленький герой скончался отъ побоевъ...

Но это не случайное явленіе. Недавно этотъ же учитель, за ту же „пропинность“ такъ избилъ по лицу сестру этого же мальчика, что она ослѣпла на одинъ глазъ. Вѣчная память нашему маленькому брату-герою, честь и слава оставшейся въ живыхъ его сестрѣ!

Но не лежитъ ли на насъ, русскихъ, въ Державной Руси, доля отвѣтственности за эти истязанія, которые переживаются наши братья отъ обнаглѣвшихъ ихъ притѣсните-

лей? Вѣдь мы почти забыли о Прикарпатской Руси и о тѣхъ 4 миллионахъ нашихъ русскихъ братьевъ, которые ~~забытыми~~ борются, пытаясь свергнуть поговѣкое польское и іезуитское ярмо. Мы молчимъ, а потому палачи совсѣмъ обнаглѣли. Пора этому положить конецъ и громко заговорить во всеуслышаніе всего славянства и всего христіанства.

Но чѣмъ помянуть намъ дѣтскую русскую кровь, пролитую на дняхъ въ селѣ Жулинѣ? Каждый день со всѣхъ концовъ Галичины и Буковины я получаю просьбы о присылкѣ русскихъ книгъ. Карпатороссы сознаютъ, что великая и свѣтлая русская литература, русскіе геніи, воодушевятъ ихъ, дадутъ имъ силы, обеспечатъ имъ культурную побѣду. Пошлемте побольше книгъ въ подъяремную Русь. Жеруйте во имя жулинского отрока — мученика ваши книги, новыя и читанныя. Тамъ нужна книга и для крестьянина, и для гимназиста, и для студента, и для интеллигента — взрослого. Нужны книги и свѣтского и духовнаго содержанія. Присылайте книги въ галицко-русское общество, въ Петербургѣ (Литейный проспектъ, 10).

Въ отвѣтъ на пролитую кровь, въ отвѣтъ на польское насилие отвѣтимъ русской книгой, русской культурой.
Предсѣдатель галицко-русского общества Гр. В. Бобринскій.

Къ исторії Лосицкаго прихода

Тяжелое время пережилъ Лосицкій православный приходъ въ 1905 г., такъ какъ почти половина прихожанъ легкомысленно оторгнулись отъ своей Матери—Церкви и перешли въ костель. Забыли эти несчастные вѣру и религиозные подвиги своихъ предковъ, не захотѣли они оставаться и подъ покровомъ Богоматери, которая съ незапамятныхъ временъ являетъ надъ Лосицами свою милость въ Чудотворномъ Своемъ образѣ.

На томъ мѣстѣ, где стоитъ нынѣшній храмъ, находилась нѣкогда малая деревянная часовня. Въ ней съ незапамятныхъ временъ помѣщалась прославленная чудеами икона Богоматери, на поклоненіе которой стекалось много народа. О чудодѣйственной силѣ, отъ св. Иконы истекающей, существуетъ одно очень древнее преданіе. Однажды проѣзжала мимо часовни бѣсноватая женщина знатнаго рода. И вдругъ лошади остановились возлѣ часовни и, несмотря ни на какія побужденія, не хотѣли тронуться съ мѣста. Это обстоятельство побудило сопутствующихъ больную лицъ ознакомиться съ мѣстомъ. Результатомъ такого знакомства было то, что они узнали о нахожденіи въ часовнѣ уважаемой народомъ св. иконы. Немедленно больная женщина была введена въ часовню, былъ отслуженъ молебень, и бѣсноватая исцѣлилась. Въ благодарность за исцѣленіе она часто молилась въ часовнѣ и сдѣлала серебряные, въ видѣ сердца, подвески къ иконѣ, которые остаются при иконѣ и донынѣ. Нынѣ св. икона находится въ храмѣ, который построенъ въ 1781 г. иждивенiemъ мѣстныхъ жителей—мѣщанъ изъ сосноваго дерева. О постройкѣ этого храма сохранилось слѣдующее преданіе. Около 1778 г. проѣзжалъ черезъ Лосицы владѣлецъ большого имѣнія „Бѣлы“ князь Радзивилль. Около часовни лопнула ось его коляски, и онъ принужденъ былъ задержаться въ Лосицахъ. Это произошло въ день Свѣтлаго Воскресенія. Князь потребовалъ мастера для починки экипажа. Въ то время въ Лосицахъ былъ одинъ кузнецъ—Флоріанъ Піотровскій. Но онъ, какъ истинный христіанинъ, не смѣлъ нарушать великаго праздника и отказался починять ось. Тогда князь обратился къ уніатскому священнику Феодору Выржиковичу съ просьбой разрѣшить своему прихожанину починить экипажъ въ праздникъ. Священникъ разрѣ-

шилъ, но только подъ условіемъ что Піотровскій не возьметъ денегъ за работу, а выпроситъ у князя лѣсной материалъ на постройку храма. Материалъ былъ отпущенъ, мѣщане вывезли его и построили храмъ, который стоитъ до сего дня и хранить въ себѣ чудотв. икону Пресв. Дѣвы, нашей заступницы предъ Богомъ.

Господь вскорѣ послалъ благодѣтелей, которые и украсили новопостроенный храмъ. Нѣкая набожная женщина Осолинская старостика Мельницкая въ 1796 г отпустила двѣ тысячи рублей на украшеніе храма и велѣла сдѣлать кіотъ рѣзной работы къ иконѣ Божіей Матери. Одновременно устроены были и другіе два кіота къ иконамъ Св. Троицы и Св. Николая.

Хорошее это было время. Лосицкіе прихожане отличались благочестіемъ. Они на свои средства воздвигли Успенскій храмъ, любили свое восточное богослуженіе, соблюдали свои посты, свято блюли свои праздники, въ которые служба Божія, показанію старожиловъ, начиналась всенощной Канонъ и другія пѣснопѣнія Лосицкіе мѣщане распѣвали на два хора. На храмовой праздникъ Успенія собирались въ Лосицы до 7000 богомольцевъ. Къ св. иконѣ приходили за помощью не только простые люди, но и лица высшаго сословія,—и уніаты, и католики, и духовные, и свѣтскіе. Даже католическій списокъ Францъ Левинскій въ 50-хъ годахъ минувшаго столѣтія молился передъ этимъ образомъ и чувствовалъ облегченіе, въ память чего приказалъ сдѣлать изъ серебра руку и ногу, находящіяся и нынѣ между девотами при иконѣ.

Къ Лосицкой иконѣ Богоматери обращались всегда и донынѣ обращаются въ разныхъ нуждахъ и православные, и католики. И Царица Небесная покровительствуетъ всѣмъ и спасаетъ христіанъ отъ скорбей, болѣзней и разныхъ бѣдъ.

По разсказамъ старожиловъ, около 1815 г. во время богослуженія разразилась гроза, молнія ударила въ св. Икону, явилось пламя, произошелъ страшный переполохъ въ храмѣ, присутствовавшіе взывали о помощи. И вдругъ.. второй ударъ молніи потушилъ огонь. Лицъ Божіей Матери на иконѣ остался невредимъ. Дважды грозила въ самое уже послѣднее время Лосицкой церкви опасность отъ пожара, но хотя огонь былъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ стѣнъ церковныхъ,—храмъ Богородицы остался невредимъ. Всѣмъ стало видно, что Влады-

чица чудесно хранить домъ свой и святыню.

Милости Владычицы и проявления Ея чудесного заступничества всѣмъ видны, но чада прежнихъ вѣрныхъ сыновъ Церкви не похожи на своихъ отцовъ. Это особенно сказалось въ тяжелый для Лосицкаго прихода 1905 г. Въ этомъ году много православныхъ оставили свою церковь и пошли въ костель, число братчиковъ и сестрицъ уменьшилось на половину. Но и въ этотъ тяжелый годъ Божія Матерь дала вѣрнымъ силы выдержать испытание. Когда званные на вечерю Господню—мѣстные прихожане уклонились отъ высокой чести, Пресвятая Дѣва своими молитвами призвала другихъ смиренныхъ сердцемъ малыхъ сихъ, — и домъ Божій и нынѣ наполняется. Всѣмъ Владычица какъ бы напоминаетъ б. слабодушнымъ чадомъ православной церкви, что не хорошо поступили они, оставивъ домъ Пречистой. „Вы меня забыли, какъ бы такъ говорить она, вы мой домъ оставили, вы думали, что здѣсь блюслуженія не будетъ, но вы легкомысленно ошиблись. Это мѣсто святое. Я здѣсь была, есмь и буду до скончанія вѣка сего. Я здѣсь буду изливать милости на свой православный народъ, потому что онъ только въ чистотѣ хранить евангельское учение Сына и Бога Моею.“ И, въ самомъ дѣлѣ, только православные водятся духомъ Святымъ, только они въ правдѣ Божіей освящаются благодатными дарами въ святыхъ таинствахъ. Имѣя единую Главу Церкви своей святой—Спасителя и не нуждаясь въ папской ложной непогрѣшимости, православные совершаютъ службы Божіи по чину Апостольскому и причащаются такъ, какъ заповѣдалъ Спаситель.

Но если у православныхъ Лосичанъ чистое Христово учение и милости Владычицы, то какъ случилось, что они не устояли? Единственнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ является тотъ, что они ушли изъ ограды церковной по невѣжству. Еще во 2-ой половинѣ 19 вѣка, когда приближалось время освобожденія крестьянъ, паны-помѣщики старались ополячить и расположить къ себѣ уніатовъ, а католические ксендзы, посѣщая церкви внушали поголовно неграмотному населенію, что церковь и костель „wszystko jedno“. Ксендзы льстивыми словами, обѣщаніями и наговорами вводили нашъ народъ въ заблужденіе. Многіе уніаты, не зная исторіи церкви и догматовъ вѣры, разсуждали о религіи не по учению еван-

гельскому, а по вѣшней формѣ. Въ такомъ же духѣ воспитали они и дѣтей своихъ. И послѣдніе, посѣщая костелы, видѣли тамъ богатство и пышную обстановку и невольно располагались къ католицизму, какъ символу всего „роскошнаго“ и „панскаго“. И вотъ, когда наступилъ злосчастный 1905 г., родители переходили въ костель съ цѣлью пристроить получше своихъ дѣтей. Отцы ради сыновей шли въ костель. Матери, выдавая дочерей, за богатыхъ католиковъ, и сами переходили въ католичество. О если бы знали эти жалкіе измѣнники вѣрѣ слова Христовы: „кто любить сына или дочь болѣе, нежели меня, тотъ недостоинъ Меня!“ (Мате. X 37).

Многіе искали у поляковъ благополучія, дружбы, свободы хотя ничего такого не нашли, а напротивъ попали въ неволю. Отре克лись своей церкви, оставили свои молитвы, пѣсни, акаѳисты, родной языкъ, а приняли чужое и на постройку костеловъ и плебаній ксендзовскихъ должны нести свои потомъ и кровью заработанныя деньги.

Но есть уже надежда, что недолго пребудутъ наши месчастныя братья—жертвы темноты народной въ римской неволѣ. Недавно зашли къ одному учителю новокатолики наши—бывшіе православные. Учитель взялъ скрипку и запѣлъ: „Сподоби, Господи, въ вечеръ сей“. И что же? Наши католики разрыдались, какъ малыя дѣти, услышавъ звуки родной пѣсни церковной. А что было бы съ ними, если бы они осмѣлились заглянуть въ церковь? Будемъ надѣяться, что Владычица, попустивъ временное испытаніе, опять соберетъ чадъ своихъ, и будетъ время, когда Лосицкій приходъ въ своемъ прежнемъ составѣ опять подъ покровомъ Владычицы единымъ сердцемъ будетъ исповѣдывать св. Православную вѣру и единими устами воспѣвать свои праотеческія пѣсни церковныя. О если бы поскорѣ это случилось!

Свящ. К. Шуллякевичъ.

Дѣ матери.

(дѣти иѣ).

Дѣти, дѣти! есть у васъ
Мамочка родная.
Она кормить васъ и, поитъ,
Гордо охраняя.

Правда, съ мамой вамъ всегда
Бесѣло, привольно,

Съ мамой въ жизни такъ тепло
И всего довольно.
Но, ребятки, есть у васъ
Мамочка другая:
Это нашъ родимый край,
Холмщина святая.
Она кормитъ нашъ народъ,
Понть, согрѣваетъ,
Развлекаетъ пѣньемъ птицъ,
Вѣтеркомъ ласкаетъ.
Она учить насъ добру,
Языку и вѣрѣ,
Учить честному труту
На живомъ примѣрѣ.
Плохо, дѣтки, если мать
Рано умираетъ
И на вѣки сиротой
Дѣтокъ покидаетъ.
Такъ же плохо, если мать,
Мать—страна родная
Подъ ударами враговъ
Чахнетъ, замирая.
Плохо, плохо, дѣтки, впастъ,
Въ сиротство, неволю;
Тяжело переносить
Горькую недолю.
Дѣти, помните просить
Дѣву Пресвятую,
И она вамъ сохранитъ
Мать и Русь родную.

В. Островскій.

Съ „нечистымъ.“

РАЗСКАЗЪ.

I.

Въ жизни человѣка бываютъ моменты, которые никогда не забываются. Такой моментъ былъ и въ моей жизни.

Миѣ тогда было двадцать лѣтъ. Я служилъ учителемъ въ деревнѣ Загорода. Это одна изъ самыхъ малыхъ деревушекъ Холмской Руси. Она отброшена на цѣлые десятки верстъ отъ шоссе и желѣзной дороги. Кажется, что злой рокъ съ умысломъ забросилъ ее въ этотъ глухой уголокъ, чтобы тамъ, какъ въ крѣости, отстаивить свое царство тьмы и пороковъ.

И дѣйствительно, жители Загорода отличались странной умственной темнотой. Они жили впроголодь и вѣрили во все, что только можетъ создать грубая фантазія простолюдина, въ чертей, вѣдьмъ, заговоры, чары, сношеніе съ нечистой силой, пользованіе ея услугами и т. д.

Но въ концѣ концовъ и съ да проникъ лучъ умственного свѣта. Попавъ на здоровую почву, онъ вскорѣ далъ обильные плоды.

Счастье это выпало на долю крестьянина Левка Старчука.

Онъ жилъ на концѣ деревни. Его чистый и довольно высокій домикъ, съ большими свѣтлыми окнами и двухсторонней дверью, окрашенной въ синій цветъ, рѣзко выдѣлялся среди кучи кривыхъ и грязныхъ деревенскихъ хатъ.

Но это не все. У него были прекрасныя холдныя строенія, погребъ, колодецъ, огородъ, садъ, настѣка. У него на гумнѣ вы нашли бы усовершенствованную соломорѣзку, вѣялку, а также плуги, борона и т. д. Его коровы давали молока вдвое больше, чѣмъ коровысосѣдей. Такихъ курь, гусей, свиней и особенно лошадей, какъ у него,—ни у кого не было. Лошади другихъ крестьянъ противъ его лошадей казались котятами.

Яблокъ, грушъ, меду, грибовъ у него всегда было вдоволь. Его огородъ, поля, садъ можно было назвать, по тому времени, образцовымъ. Въ его хозяйствѣ все было строго продумано и усердно исполнено. Зато онъ получалъ невиданный здѣсь сборъ фруктовъ овощей, хлѣба и т. д. Жилъ онъ лучше другихъ, работалъ, казалось, столько же, сколько и другие, а состояніе его быстро росло, между тѣмъ какъ его односельчане едва сводили концы съ концами.

Крестьяне судили — рядили и порѣшили, что онъ „знается съ нечистымъ“...

— Всѣ вѣдь работаютъ, а никому такъ не удается, какъ ему.

— Посмотрите на его лошадей, какъ бочки, — говорилъ старый Юрко, постукивая пальцемъ по табакеркѣ,—а отчего? Ого-го! Вы этого, разумѣется, не знаете. А вотъ спросили бы Петра Чухру, онъ бы вамъ все рассказалъ. Хотите, я вамъ скажу: Чухра своими глазами видѣлъ, какъ чертъ чистилъ его лошадей и даже поить водилъ...

— И коровъ тоже, — добавляла жена сотскаго, — это правда, ей—Богу, правда. Корова можетъ дать въ день молока гарнецъ—два, а у него даютъ и три, и четыре гарница. Развѣ возможно это!.. Видно, что ему чертяга помогаетъ...

— Что-что, аѣчелы безъ „него“ — совсѣмъ ни къ чему: или помрутъ или вмѣсто меду будуть давать какую-нибудь гадость, глубоко-мысленно замѣчалъ пономарь, когда разговоръ касался Старчука.

— Да что и говорить, извѣстно, — важно говорилъ сотскій, — у него, можетъ быть, и не одинъ чертяга, а цѣлый пятокъ. Хоть онъ и чертяга, а одинъ не смогъ бы всего сдѣлать... Ужъ это извѣстно...

Особенно усердствовали женщины. Чего онъ не рассказывали про Старчука! Одна изъ крестьянокъ дошла до того, что подробно рассказала, какъ онъ заключалъ съ чертомъ договоръ. Онъ будто-бы записалъ черту свою душу, а черть обязался за это всю жизнь работать на него, — и оба подписались своею кровью, онъ красною, а черть — черною.

— Да, да, — улыбался Старчукъ, — я добылъ крови изъ-подъ ногтя, а черть... изъ хвоста. оттого она у него черная.

Крестьяне до того были увѣрены, что Старчукъ „знается съ чертомъ“, что разубѣждать ихъ было бы совершенно бесполезнымъ трудомъ.

Это прекрасно понималъ Старчукъ и потому на подобные слухи отвѣчалъ лишь наемѣшливой улыбкой, что еще болѣе убѣжало крестьянъ въ ихъ правотѣ.

— Пусть себѣ думаютъ, — замѣчалъ Старчукъ, — а мнѣ-то что?

Конечно, зная, что Старчукъ въ хорошихъ

отношенияхъ съ чертомъ, крестьяне побаивались его, и потому въ близкия сношения съ нимъ не вступали и вредить ему не рѣшались. Его лугъ потравъ не зналъ, огородъ и садъ—никогда малышикъ не видали, на его полевой горохъ никто и не смотрѣлъ,—однимъ словомъ, его хозяйство было прекрасно защищено отъ деревенскихъ дикарей—вредителей. Этому Левко былъ очень радъ.

Нужно замѣтить, что Старчукъ былъ надѣленъ отъ природы большимъ здравымъ умомъ. Онъ научился читать двадцатилѣтъ и безъ всякой посторонней помощи. Изрѣдка онъ бралъ у меня газеты и книги и читалъ ихъ съ большимъ вниманиемъ и толкомъ. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые ищутъ въ книгахъ не ума, котораго у нихъ достаточно, а пищи для него. Всѣмъ новымъ въ сельскомъ хозяйствѣ онъ сильно интересовался и многое старался проповѣдывать на практикѣ. Но при этомъ онъ проявлялъ огромный тактъ: онъ брался только за то, что почти навѣрно могъ исполнить; оттого всѣ его начинанія кончались успѣхомъ, что и послужило основаниемъ для разныхъ нелѣпыхъ толковъ о немъ.

Онъ просто былъ умный трудолюбивый мужикъ, какихъ теперь уже у насъ не мало.

Старчукъ часто заходилъ ко мнѣ за матеріаломъ для чтенія, и я съ удовольствиемъ бесѣдовалъ съ нимъ по цѣлымъ часамъ. О чёмъ бы разговоръ ни шелъ, онъ всегда высказывалъ чрезвычайно остроумныя и вѣскія мысли. Такъ разсуждать и говорить умѣютъ только простые крестьяне, надѣленные здоровымъ умомъ и дающимъ слова. Въ ихъ рѣчахъ все просто, ясно, но сильно и остроумно.

II.

Это было сѣмь лѣтъ тому назадъ.

Въ концѣ лѣтнихъ каникулъ обстоятельства заставили меня сѣѣздить на родину, гдѣ я пробылъ около двухъ недѣль. Вернулся я во второй половинѣ сентября. Къ тому времени у меня набралось много работы какъ по хозяйству, такъ и по школѣ, и потому я по возвращеніи домой всецѣло отддался своему дѣлу и въ деревню почти не выходилъ.

Прошло нѣсколько дней. Наконецъ, я вспомнилъ про Старчука.

—Отчего онъ къ намъ не приходитъ?—спросилъ я свою старушку служанку.

Онъ боленъ.

—Давно?

—Не знаю.

Полагая, что съ нимъ ничего серьезнаго не случилось, я успокоился, зная, что оправившись, онъ непремѣнно заглянетъ ко мнѣ.

Но вотъ однажды, часовъ въ двѣнадцать ночи, я услышалъ стукъ въ дверь.

—Кто тамъ?—спросилъ я, вскочивъ съ постели.

—Свой, впустите.

—Да кто ты?

—Курилко.

—А чего тебѣ?

—Старчукъ умираетъ, просить васъ...

Меня ударило въ лихорадку. Долго я ме-

тался въ темнотѣ, разыскивая свое платье и натыкаясь на разныя вещи. Какъ я одѣлся и какъ выбрался на улицу, я не помню. На дворѣ было совершенно темно. Крестьяне давно уже спали. Кругомъ царила мертвая тишина, которую изрѣдка нарушалъ вой собаки. Онъ былъ такъ прензителенъ и зловѣщъ, что мнѣ стало жутко.

Пройдя шаговъ двѣсти и совершенно освободившись отъ той дремоты, въ которой все время находился, я наконецъ спросилъ:

—Что же съ нимъ случилось?

—Неизвѣстно, заболѣлъ, а докторъ сказалъ, что не выдержитъ...

Я не зналъ, о чёмъ и спрашивать больше: всѣ вопросы казались мнѣ почему-то неумѣстными. Но желаніе узнать что-либо опредѣленное взяло верхъ.

—Ну и что же?—спросилъ я неопределенно.

Не можетъ умереть. Съ самаго вечера мучится...

—Батюшку приглашали?

—Да днемъ, но...

—Что „но“?..

Курилко замялся.

—Говори же скорѣе.

—Мучится, страшно мучится, просить, чтобы подать ему руку...

—Ну?

—Никто не хочетъ оттого онъ и не можетъ умереть.

—Почему не хотятъ?

Курилко снова замялся. У меня явилось подозрѣніе, и я рѣшилъ во что бы то ни стало узнать, въ чёмъ дѣло.

Говори же, почему?

—Говорятъ, что онъ знался съ...

Съ кѣмъ?

—Ночью—то нехорошо и вспоминать...

—Говори!—крикнулъ я сердито,—а то не пойду.

—Говорятъ, что съ „нечистымъ“...

Ну такъ что же? почему не подать ему руки, вѣдь ему легче было бы...

—То—то,—вырвалось у Курилка,—извѣстно, что легче, только этого нельзя... онъ хочетъ отдать „его“... кто подастъ такому руку, къ тому и перейдетъ „нечистый“... Нѣтъ, ужъ лучше пусть онъ съ нимъ умираетъ, зачѣмъ другому душу губить...

—Дикари!—вырвалось у меня.

Я ускорилъ шаги. Показался огонекъ. Я вѣжалъ въ хату. Въ носъ мнѣ ударило страшное зловоніе. Я окинуль глазами хату и увидѣлъ въ углу на кровати блѣднаго, какъ полотно Старчука. Онъ лежалъ лицомъ вверхъ, съ закрытыми глазами и раскинутыми руками. Я никогда не видѣлъ умирающихъ, и потому эта страшная картина меня потрясла до глубины души. Я былъ словно въ чаду. Въ головѣ у меня стоялъ какою-то туманъ, сердце тревожно билось, дыханіе захватывало.

У кровати больного никого не было. Я оглянулся. Позади меня, у печи, на лавкѣ сидѣла жена Старчука. Уткнувъ лицо въ передникъ, она рыдала на всѣ голоса. Тамъ же стояло нѣсколько сосѣдей и сосѣдокъ. Бабы плакали непрерывно, мужики же только изрѣдка вытирали слезы

грязными рукавами и полами.

Больной въ ожиданіи меня впалъ въ безпамятство. Въ груди его что-то клокотало.

—Подайте ему руку, если онъ просилъ,— обратился я къ крестьянамъ,—грѣшино вѣдь, ему тяжело, мучиться...

Мужики и бабы начали переминаться съ ноги на ногу, но съ мѣста не трогались. На лицахъ ихъ я прочелъ ужасъ.

А больной метался и хрюпалъ. Изрѣдка вѣки его приподнимались изъ—подъ нихъ страшно глядѣли огромные впалые бѣлки.

Я почти безсознательно подошелъ къ кровати, усѣлся на краю ея и нагнулся къ умирающему.

Вѣки его снова приподнялись. Сколько въ нихъ было ужаса. Мнѣ, кажется, что я ясно видѣлъ въ нихъ, отчего страдаль умирающій. Здоровому человѣку это трудно понять. Это былъ ужасъ одиночества, того одиночества, которое испытываетъ только умирающій: все остаются, будуть жить, а онъ одинъ, только одинъ долженъ умереть, перейти въ неизвѣстность, куда никто рѣшительне не можетъ сопровождать его.

Старчукъ умирать было тяжелѣе другихъ; его страданія усиливались тѣмъ, что его боялись, что среди родныхъ и знакомыхъ не нашлось человѣка, который подалъ бы ему руку...

—Левко!—вскрикнулъ я, не выдержавъ вида страданій умирающаго, и взялъ его за руку. Мнѣ казалось, что въ то мгновеніе я способенъ быть добровольно умереть, чтобы облегчить переходъ въ новый міръ этому лучшему и умнѣйшему изъ крестьянъ Загороды, хотя я никогда добротой не отличался.

Я крѣпко сжалъ руки умирающаго.

И вдругъ—вѣки его поднялись, и на меня взглянули тусклые глаза. Узналъ ли онъ меня или нѣтъ, сказать не могу, но видно было, что онъ почувствовалъ близость человѣка. Лицо его сразу перемѣнилось. Ужасъ одиночества съ него исчезъ и оно засвѣтилось... Нѣтъ, я не умѣю называть того, что я увидѣлъ на его лицѣ. Это была.. улыбка, особая улыбка... Такія улыбки бываютъ только у спокойно умирающихъ. Вѣрнѣе, это не улыбка, это особая печать духовнаго покоя.

Въ моей душѣ, казалось, что—то перевернулось. Я инстинктивно подложилъ руки подъ умирающаго и поднялъ его. Лицо его почти касалось моего, но мнѣ не страшно было. Наоборотъ, я почувствовалъ въ душѣ какую—то легкость, какую мы ощущаемъ въ себѣ послѣ добра го дѣла. Это продолжалось не долго. Руки и голова умирающаго повисли, и мнѣ стало тяжело. Когда я положилъ его, онъ былъ мертвъ.

И какимъ блаженнымъ спокойствіемъ свѣтилось его холодное лицо!

Нѣтъ, я этого момента никогда не забуду.

B. Островский.

Рѣчь Преосвященнаго Евлогія въ Госуд. Думѣ о церковной школѣ.

Г.Г. члены Гос. Думы. Передъ нами законопроектъ огромной, можно сказать, необычайной важности. Хотя докладчикъ и назвалъ этотъ законопроектъ проектомъ всеобщаго обученія, но

несомнѣнно этому великому дѣлу здѣсь полагается прочное основаніе; здѣсь намѣчаются общій планъ и указывается толькъ путь, по которому должно вестись это дѣло всеобщаго обученія. Законопроектъ если и не вводить насы въ храмъ всеобщей грамотности, то ставить во всякомъ случаѣ на порогъ этого храма. Всеобщее обученіе, грамотная Россія—какія это громкія и сладкія слова, какіе они открываютъ широкіе горизонты. Повидимому сбываются завѣтныя желанія лучшихъ сыновъ, любящихъ нашу родину, повидимому, для Россіи открывается новая эра. Съ такими мыслями и чувствами приступили и мы, служители церкви, къ чтенію и изученію этого законопроекта, но по мѣрѣ его изученія, по мѣрѣ углубленія въ него, меркла и гасла наша радость и заволакивался темными тучами этотъ свѣтлый горизонтъ, и общее радостное свѣтлое настроеніе смѣнилось чувствомъ тревоги и горькаго разочарованія. Съ нами случилось нѣчто обратное тому, что было съ древнимъ пророкомъ, которому былъ данъ отъ Бога свитокъ книжный, который въ устахъ былъ горекъ, а во чревѣ оказался, какъ медъ сладокъ, какъ говорить Писаніе, здѣсь случилось совершенно обратное. На первый взглядъ, такъ сказать, на первый вкусы, этотъ свитокъ книжный, этотъ законопроектъ, дѣйствительно, кажется сладкимъ, но по мѣрѣ усвоенія его, открывается вся скрытая въ немъ горечь. Есть въ немъ одинъ главный капитальный дефектъ, который въ нашихъ глазахъ его обезвѣниваетъ, который по нашему глубокому убѣждѣнію сулить намъ отъ него не свѣть и радость, а можетъ быть даже новыя тяжкія испытанія для нашей родины. Дефектъ этотъ,— это отнятіе отъ церкви церковно-приходскихъ школъ. Это узурпациѣ самаго права учительства православной церкви, права безспорного, неотъемлемаго и непреложнаго, это устраниеніе церкви отъ самаго дѣла учительства. Составители этого законопроекта, конечно, отрицаютъ такія свои намѣренія, но мнѣ кажется что все ихъ аргументы шиты бѣлыми нитками, и что черезъ весь законопроектъ именно проходитъ мысль о нежелательности вмѣшательства церкви въ дѣло народнаго просвѣщенія. Докладъ утверждаетъ насъ на стр. 141, что церковныя школы не только не обрекаются на уничтоженіе, но даже сохраняетъ ихъ самобытность. Однако, въ чемъ же усматривается эта самобытность? Самобытную, своеобразную физіономію школъ, какъ вообще всякому учрежденію, даютъ тѣ лица, которые стоятъ во главѣ этого учрежденія, которые направляютъ его дѣятельность къ извѣстнымъ цѣлямъ. До сихъ поръ всѣ главы церковной школы стояла сама церковь, которая въ лицѣ своего высшаго правительственноаго института—Св. Синода организовала всю стройную систему управлѣнія этой школой, которая независимо и полновластно устроила жизнь соотвѣтственно своимъ нормамъ. Теперь эта власть изъ рукъ церкви переходитъ въ руки училищнаго совѣта, гдѣ представитель церкви является только со своимъ единственнымъ одинокимъ голосомъ, гдѣ этотъ голосъ, конечно, заглушается подавляющимъ большинствомъ другихъ голосовъ. Можно ли при этихъ условіяхъ говорить о какой-либо

самостоятельности церковной школы, которая, называясь церковной, уже будет отражать въ себѣ не церковные идеалы, а стремлениія и течениія, которые господствуютъ въ томъ или другомъ училищномъ совѣтѣ. Къ чѣму это поведеть, обѣ этомъ я скажу иѣсколько ниже; теперь замѣчу, что нельзя говорить о самодѣятельности церковной школы, если управлениѣ ею вырывается изъ рукъ церкви и вручается другому учрежденію, связь котораго съ церковью во всякомъ случаѣ является случайною и условною.

Вторымъ весьма важнымъ факторомъ, опредѣляющимъ жизнь школы, какъ и вообще всякоаго учрежденія являются материальныя средства, деньги. Мы видимъ уже теперь, какъ въ этомъ отношеніи изморомъ берется наша церковная школа, какъ она, бѣдная, начинаетъ хирѣть въ своей нищетѣ и убожествѣ, въ то время, какъ на ея соѣдку, школу министерскую, земскую, обильно продолжаетъ изливаться золотой дождь. Вотъ теперь церковной школѣ предлагается такой иску-
сительный совѣтъ, ей говорять: отрекись отъ самой себя, отрекись отъ тѣхъ начальъ, на которыхъ построена твоя жизнь, склонись покорно передъ тѣми теченіями, которыхъ властно идутъ, если не отъ всей Государственной Думы, то по крайней мѣрѣ изъ комисіи по народному образованію, соединись съ ними до потери своего облика и тогда къ тебѣ потекутъ всѣ тѣ блага, которыхъ ты лишена, тогда и ты не будешь стоять оборванная, пищая въ своемъ нищенскомъ рушицѣ предъ своей нарядной соѣдкой и сестрой, не будешь съ покосившимися зданіями, проваливающимися крышами, голодными и холодными учителями. Такой предлагается совѣтъ, такое дѣлается предложеніе. Да, но вспомнимъ, какъ отвѣтилъ Христосъ на подобное же иску-
сительное предложеніе, когда иску-
ситель приступилъ къ нему и сказалъ: „Все дамъ тебѣ, только склонись предо мною“, и, когда Христосъ сказалъ: „Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи“. Также и церковно-приходская школа ни за какія блага, ни за какія деньги не продастъ за эту чечевичную похлебку своихъ законныхъ правъ первородства... (Голоса справа: браво; голоса слѣва: воевать собирается). Намъ говорятъ, что въ задачу комисіи не входило упраздненіе церковной школы; намъ говорятъ, что школа и впередъ имѣеть право на свое существованіе и дальнѣйшее развитіе. Чѣмъ, однако, гарантировано это право?

Мы уже видѣли, что управлениѣ отъ церкви отбирается въ другія руки; мы видѣли, что и деньги она будетъ получать изъ другихъ рукъ, но говорятъ за духовнѣмъ вѣдомствомъ остаются права содержателей и вотъ на стр. 142 подробно перечисляются эти права. Мы разберемся, какъ велики объемъ и содержаніе тѣхъ правъ, которыхъ адѣль перечисляются. Прежде всего здѣсь ссылаются на ст. 6, которая указываетъ на участіе содержателей, а слѣдовательно и духовнаго вѣдомства въ отношеніи церковно-приходскихъ школъ въ завѣдываніи школами. Однако въ чѣмъ же будетъ выражаться это завѣдываніе? Если мы откроемъ эту ст. 6, то мы увидимъ, что завѣдываніе начальными училищами принадлежитъ 3 органамъ: уѣздному, городскому, училищнымъ совѣтамъ, потому содержателю и училищному по-

печительству. Но, если мы дальше будемъ вчиться въ этотъ законопроектъ, мы увидимъ что эти три органа въ дѣлѣ завѣдыванія школьнаго далеко не равноправны по существу, и взаимоотношенія между этими органами построены по формѣ хозяина и работника, т. е. остальные два органа будутъ изъскивать средства для содержанія церковныхъ школъ, а единственный хозяинъ, училищный совѣтъ, будетъ давать средствамъ то или другое направлениѣ. Такимъ образомъ участіе въ завѣдываніи церковныхъ школъ вовсе не обеспечено для духовенства, гарантія неприкословенности типа церковной школы вовсе не имѣеть для него существеннаго значенія. Затѣмъ ссылка на ст. 35 сдѣлана по недоразумѣнію, потому что вовсе ничего не даетъ духовенству въ дѣлѣ устроенія церковной школы. Затѣмъ ссылаются дальше на ст. 29, которая даетъ право завѣдывающему приглашать законоучителя. Слава Богу, конечно, и за это право, но прежде въ нашихъ приходскихъ школахъ естественно являлся законоучителемъ приходскій священникъ, который считалъ это дѣло своимъ правомъ и своей обязанностью. Теперь онъ будетъ приглашаться содержателемъ школы съ согласія епархиальнаго начальства, но съ утвержденіемъ опять того же училищнаго совѣта, такъ что возможно положеніе, что священникъ будетъ допущенъ, какъ законоучителъ, въ церковную школу, но училищный совѣтъ по тѣмъ или другимъ мотивамъ можетъ его не утвердить. Затѣмъ ссылка на ст. 33, которая обезпечиваетъ за содержателемъ право приглашать другихъ преподавателей. Это опять имѣеть большое значеніе для духовенства по отношенію церковно-приходской школы. Но я задаю себѣ вопросъ, изъ кого же будетъ выбирать себѣ этихъ учителей, этихъ преподавателей. До сихъ поръ у духовенства были свои церковно-учительскія школы, въ которыхъ воспитывались цѣлые кадры будущихъ преподавателей, воспитывались въ извѣстномъ строго церковномъ направлениѣ, въ строгомъ соотвѣтствіи съ будущимъ призваніемъ быть руководителями. Но, вѣроятно, эти церковно-учительскія школы такъ же будутъ конфискованы у церкви. Гдѣ же она найдетъ себѣ преподавателей, которымъ она могла бы поручить свое дорогое дѣтище, свои церковныя школы? Затѣмъ ссылаются на ст. 48, которая говорить о правѣ содержателей приглашать руководителей по учебной части, но институтъ руководителей въ законопроектѣ очертанъ довольно неопределено. Комисія проектируетъ его, какъ видно изъ объяснительной ея записки, въ видѣ временной мѣры, и предлагаетъ это учрежденіе, скорѣе не въ видѣ безусловнаго требованія, а въ видѣ пожеланія и во всякомъ случаѣ факультативнаго, и этотъ институтъ въ законопроектѣ иѣсколько виситъ въ воздухѣ. И думаю, гдѣ взять такихъ опытныхъ руководителей въ деревнѣ, которымъ можно было бы поручить это отвѣтственное дѣло, а въ особенности, гдѣ возьметъ этихъ руководителей наше бѣдное духовенство, кто будетъ платить этимъ руководителямъ? По законопроекту платить должны содержатели, Ну земства могутъ давать жалованіе, потому что они имѣютъ право облагать населеніе земскими сборами, а духовенство—гдѣ оно возьметъ средства? (Го-

лось слѣва: въ монастыряхъ). Развѣ снова облагать церкви непосильнымъ налогомъ, или оно своимъ тощимъ карманомъ должно будетъ платить на содержаніе этого института руководителей. Такъ что эта статья существеннаго значенія для духовенства не имѣть. Болѣе важное значеніе въ этомъ отношеніи имѣть ссылка на ст. 15, которая предоставляетъ содержателямъ подробное составленіе программы.

Но и тутъ свобода дѣйствій содержателя связана, потому что эти программы опять пойдутъ на утвержденіе того же училищнаго совѣта. Дальше ст. 88, которая указываетъ на участіе духовнаго вѣдомства въ школьнѣмъ попечительствѣ, тутъ, повидимому, уже даютъ я нѣкоторыя права въ руки духовенства, но во—первыхъ, само попечительство не хозяинъ церковной школы, по крайней мѣрѣ, что касается учебно-воспитательной части; въ административно-хозяйственной это да, а въ учебно-воспитательной онъ не хозяинъ, а еще меньше хозяинъ самъ священникъ въ этомъ самомъ попечительствѣ. Такимъ образомъ всѣ тѣ права, на которыхъ ссылается комисія по народному образованію, они представляются, по моему мнѣнію, крайне ограниченными или совершенно фиктивными, иллюзорными. И дѣлать отсюда выводъ, какъ дѣлаетъ комисія на стр. 143, что такимъ образомъ, все, что болѣе или менѣе соотвѣтствуетъ особенностямъ церковно-приходской школы можетъ сохраниться и впредь,—даже и въ такой осторожной формѣ, что „можетъ сохраниться“ этотъ выводъ, мнѣ кажется, не описывается ни на какихъ твердыхъ основаніяхъ и никакъ не колеблетъ того положенія, что этотъ проектъ изъемляетъ церковныя школы изъ вѣдѣнія церкви и передаетъ ихъ въ другія руки, въ вѣдѣніе училищнаго совѣта, который является по этому проекту полновластнымъ хозяиномъ—распорядителемъ этой школы. Но почему это дѣлается, во имя чего совершаются эта, да позволено мнѣ будетъ сказать грубое слово, экспропрація? Или развѣ церковь плохо вела дѣло народнаго просвѣщенія, или можетъ быть, церковь не хотѣла и не умѣла имъ заниматься, или можетъ быть, церковная школа была крайне плоха, недовлетворительна? Повидимому комисія не стоитъ на этой точкѣ зрѣнія. Она прямо говоритъ, что она не становится на почву разрѣшенія вопроса о преимуществахъ школы общественной надъ школой духовной, и она не отрицаѣтъ, какъ говорить комисія, заслугъ церковной школы въ дѣлѣ начального образованія, но уже въ этой самой фразѣ вы видите умаленіе, я бы сказалъ даже униженіе, церковной школы передъ школьнѣмъ министерской или земской: послѣднюю называютъ школой общественной, а эту школу называютъ школой духовной. Эта мысль развивается болѣе подробно и дальше, гдѣ говорится о маломъ сочувствіи къ церковной школѣ общественныхъ силъ, гдѣ говорится о бюрократическомъ характерѣ этой школы, о томъ, что тамъ все дѣло сосредоточивается въ далеко стоящемъ отъ школы училищномъ совѣтѣ, гдѣ всѣ дѣла будто бы вѣдаются одинъ только предсѣдатель; говорится о полномъ параличѣ уѣздныхъ отдѣленій, такъ что даже у общественныхъ элементовъ, входящихъ въ эти отдѣленія, будто бы въ

отчаяніи надаютъ руки, и они отказываются отъ участія въ виду полной своей бесполезности. Поэтому говорятъ, что школу эту надо назвать не церковной и не приходской, а школьнѣй духовнаго вѣдомства, это школа синодальная. Какія тяжкія обвиненія и какія, скажу, несправедливы! Мы привыкли слышать такія обвиненія или съ лѣвыхъ скамей, или въ печати, въ либеральныхъ листкахъ нашей либеральной прессы, и когда эти шаблонныя и несправедливыя обвиненія, которые многократно были опровергаемы и въ литературѣ, и въ печати, и самою дѣйствительностью, когда они исходили только изъ этихъ источниковъ, мы не очень этимъ беспокоились, но когда это заявляется въ такъ серьезному докладѣ, какъ докладъ комисіи по народному образованію Государственной Думы, то невольно воскликнешь: какъ велика непріязнь къ церковной школѣ.

Прежде, чѣмъ опровергать эти несправедливыя обвиненія, я хотѣлъ бы обратиться съ однѣмъ вопросомъ къ комисіи по народному образованію, я хотѣлъ бы спросить автора этого доклада: а что школа министерская или земская, что она, совсѣмъ свободна отъ упрековъ въ своемъ бюрократическомъ характерѣ, эта школа можетъ ли въполномъ смыслѣ слова быть названа школьнѣй общественной? Много ли встрѣчается въ широкихъ слояхъ нашего русскаго общества такихъ ревностныхъ беззаботныхъ дѣятелей въ отношеніи этой школы? Не лежитъ ли все бремя управлениія этой школой даже въ настоящее время почти исключительно на плечахъ тѣхъ же чиновъ Министерства Народнаго Просвѣщенія? А роль нашихъ земствъ не сводится ли по большей части только къ отпуску нужныхъ средствъ для этой школы, къ отпуску, не всегда очень щедруму, который приходится иногда выпрашивать, вымаливать тѣмъ же директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ? Вы, гг., отлично знаете, что въ широкихъ кругахъ русскаго общества еще не пробужденъ глубокій и живой интересъ къ нашему начальному образованію и зачѣмъ же вину и ответственность за эту нашу обще-русскую косность взваливать исключительно на неповинную церковную школу, зачѣмъ только ей надо ставить на видъ то, что является общимъ явленіемъ русской жизни въ отношеніи всякой школы безразлично? Управлениія церковной школой, по моему глубокому убѣждѣнію, организовано Св. Синодомъ нисколько не хуже, чѣмъ управлениіе земской или министерской школой.

Во главѣ стоитъ въ каждой епархіи епархиальный училищный совѣтъ, въ составѣ котораго входитъ вовсе не только одно духовенство, а входятъ и представители самыхъ разнообразныхъ и правительственныхъ и общественныхъ силъ, и всякий, входящій въ составъ этого совѣта, имѣеть полную возможность проявить свою широкую инициативу въ дѣлѣ начального образованія въ церковныхъ школахъ. Глубокой, мнѣ кажется, неправдою, глубокой фальшью звучатъ слова доклада, будто бы мѣстные люди, входящіе въ составъ отдѣленій, убѣждались, что искреннее ихъ желаніе помочь дѣлу остается безплоднымъ, и поэтому они не принимаютъ участія въ трудахъ отдѣленій. Мнѣ кажется, у кого есть желаніе по-

работать, кто близокъ церковному школьному дѣлу, тотъ работаетъ не покладая рукъ, и церковная школа можетъ насчитать многочисленныхъ своихъ искреннихъ друзей, своихъ ревностныхъ горячихъ работниковъ изъ среды мѣстныхъ общественныхъ силъ во главѣ съ такимъ высокимъ и святымъ именемъ, какъ имя Сергій Александровича Рачинского. А что касается такихъ безучастныхъ и лѣнивыхъ работниковъ, то я думаю, что ихъ такъ же много и въ земской и въ министерской школѣ, какъ и въ средѣ членовъ уѣздныхъ отдѣлений, на которыхъ ссылается комисія по народному образованію. Затѣмъ я долженъ сказать, что добрую славу нашей церковной школы собственно создали не училіціе совѣты и не ихъ отдѣленія а то, что она за короткое время своего возрожденія, за эти 25 лѣтъ, достигла такихъ блестящихъ успѣховъ, что покрыла густой сѣтью весь широкій просторъ нашей родины, что она стала въ уровень съ министерской и земской школой и этимъ она, прежде всего обязана нашему приходскому сельскому и городскому духовенству, этимъ скромнымъ, смиреннымъ, беззаботнымъ труженикамъ, которые оказываются великими въ своемъ смиреніи и которые на своихъ плечахъ вынесли все это тяжелое бремя церковной школы. Именно они—эти сельскіе и городскіе священники,—не отрицаю, конечно, извѣстной заслуги и за разными учрежденіями, которые стоятъ во главѣ церковной школы, но я долженъ сказать, что главными двигателями этого дѣла, главными строителями этого огромнаго величественнаго зданія церковной школы, которое заключаетъ въ себѣ до 40.000 отдѣльныхъ школъ и до 2 миллионовъ учащихся, главными строителями являются наши скромные смиренные приходскіе пастыри, обласканные и ободренные высокимъ довѣріемъ блаженной памяти Императора Александра III, опираясь на сочувствіе только своихъ прихожанъ, они отдали приходской школѣ всѣ свои лучшія силы, отдали свой часто непосильный трудъ, отдавали свои скучныя жертвы и только такой цѣнной они достигли такихъ, я скажу, блестящихъ результатовъ, какихъ достигла школа за послѣднія 25 лѣтъ своего существованія. И близко стоящей къ церковно-школьной жизни, тотъ же упоминающійся мною Сергій Александровичъ Рачинский, въ своихъ писаніяхъ нерѣдко удивлялся той ревности, той самоотверженности и воодушевленію съ какимъ наши сельскіе пастыри занимаются этимъ для нихъ святымъ великимъ дѣломъ. А вотъ теперь вы хотите отнять у нихъ это ихъ родное, ихъ дорогое дѣтище, которое ими было выплакано, выстрадано, которое ихъ горячими молитвами у Бога было выпрошено. И вы называете, что эта школа какая—то не церковная и не приходская, а какая—то чиновничья и бюрократическая. Тѣхъ, которые отрицаютъ, или говорятъ, что эта школа не церковная я попросилъ бы когда-нибудь, хоть разъ заглянуть подъ скромную кровлю церковной школы, когда тамъ, напримѣръ, совершаются молитвы, когда готовятся дѣти къ святому таинству исповѣди и святого Причастія, когда готовятся къ очередному слѣдующему богослуженію, когда они тѣснѣмъ кольцомъ, сомкнувшись вокругъ учителя,

поютъ пѣснопѣнія. Это дивная, трогательная картина. Мнѣ Господь далъ счастье не разъ наблюдать и умиляться проявленію и подъему религіознаго настроенія, которое царить въ нашей церковной школѣ. Я видѣлъ духовную красоту нашей церковной школы. Мнѣ, можетъ быть, нѣтъ времени и, можетъ быть, я не сумѣю изобразить всю духовную красоту этой школы, но желающихъ я отправлю къ тому же самому Сергию Александровичу Рачинскому, который умѣль въ живыхъ художественныхъ и яркихъ краскахъ изобразить эту красоту нашей церковной школы. Я думаю, что этотъ святой человѣкъ не могъ ни лгать, ни фальшивить, ни кривить душой и во всякомъ случаѣ ему можно повѣрить, а онъ вездѣ говоритъ, что эта школа всѣмъ своимъ строемъ, всей своей жизнью неразрывно слилась съ церковью, что она явилась какъ-бы преддверiemъ Божія храма. Не за что другое, какъ именно за это, церковное народъ полюбилъ эту свою родную церковно-приходскую школу, онъ увидалъ именно ту школу, которая отвѣчала сокровеннымъ, завѣтнымъ запросамъ его духа, которая отвѣчила всѣмъ завѣтамъ его многовѣковой истории, полюбилъ и наполнилъ до тѣсноты своею дѣтвою и не жалѣлъ жертвовать на нее отъ своихъ скучныхъ сбереженій. За 25 лѣтъ своего существованія она собрала 100 000 000 р. и я думаю, что эта цифра весьма красорѣчива и она ясно говоритъ, что церковная школа опиралась на глубокой смиреніи нашего русскаго народа. Я хотѣлъ-бы знать, сколько такихъ средствъ, такихъ тѣбѣротныхъ пожертвованій собрала школа министерская или земская, которая почему—то здѣсь называется общественными въ противовѣсъ школамъ церковно-приходскимъ. Я не говорю, господа, чтобы задача полного сближенія церковной школы съ народомъ была достигнута вполнѣ, чтобы церковно-школьные дѣятели въ этомъ направлѣніи дошли до своего конца и со всѣми искренними ревнителями церкви я горячо желаю приходской реформы и я думаю, что мы стоимъ наканунѣ этой реформы и полагаю, что съ возрожденіемъ нашихъ приходовъ, въ церковную школу вольются новыя живыя приходскія силы, и тогда она пустить еще болѣе глубокіе корни въ нѣдра народной жизни.

Оживляющей Червень.

Этими двумя словами я хочу придать больше силы и величія пока небольшому, но безъ сомнѣнія, въ недалекомъ будущемъ великому и замѣчательному историческому нашему Холмскому Турковицкому монастырю. Придетъ время, и этотъ монастырь изъ маленькаго превратится въ первоклассный, съ такою же широкой, благотворной дѣятельностью, какъ и знаменитый нынѣ на всю Россію нашъ Лѣсининскій монастырь. Послѣдній, при всей своей заслуженной славѣ, не имѣть однако никакого исторического славнаго прошлаго, а Турковицкій, расположенный почти на самомъ пепелищѣ давно угасшаго удѣльно—столичнаго города Червени, исторически давно уже существующій, являющійся центромъ среди сплошной массы прочнаго православнаго народа, питающій духъ этого народа незыблемой вѣрой и

русскимъ сознаниемъ, имѣть всѣ заслуженные дамны для того, чтобы стать соотвѣтственно величимъ. Турковицкій монастырь возвеличится въ рои, любовью и надеждою на русское благо русской женщиной, тою женщиной, которая отреклась для себя отъ мѣра, но для служенія тому же миру во всѣхъ его мірскихъ нуждахъ. Женщины; матери, сестры и послушницы, опытная въ знаніи, трудъ и помоши ближнему, женщины—образцы чистоты и кротости, женщины—подвижницы дадутъ незапятнанную чистоту служенія ближнимъ. На такое служеніе никто не посмѣетъ бросить ни малѣйшаго упрека, ибо если возвыщено велика роль матери въ семье, то тѣмъ болѣе такова эта роль духовной монастырской матери, воспитывающей сиротъ, утѣшающей горе приходящихъ, лечащей болѣзни страждущихъ, цѣломудрено хранящей всю свою мірскую молодежь и научно знающей всѣ способы и уклады для устройства въ мірѣ лучше обезпеченнай жизни. Это замѣчательно цѣнное служеніе монастырской женщины для духовной и земной полноты жизни въ мірѣ можетъ исходить только оттуда, гдѣ взято на себя бремя личнаго отказа отъ всѣхъ благъ земныхъ, но, повторю, для того же блага мірскаго земного. Житейская практика учитъ, что среди множества бѣдныхъ нѣсколько богачей не уменьшать этой массовой бѣдности, хотя бы они этого и искренно желали, хотя—бы безконечно толковали объ этомъ, хотя бы даже раздали все свое имѣніе этой массѣ. Наши многіе и многіе недостатки въ крестьянской жизни будуть излѣчиваться не словами сътыхъ, не воплемъ благожелательныхъ, не бичеваниемъ образованныхъ, а только живыми примѣрами дѣйствующихъ. Къ числу такихъ животворно дѣйствующихъ служителей народа надо поставить спереди монастырскихъ женщинъ труженицъ, и дай Богъ, чтобы такимъ же путемъ пошла дѣятельность и мужскихъ нашихъ монастырей, бывшихъ въ древности учителями и корыльцами народа въ годины нужды.

Если бы взамѣнъ словъ и на міру люди помогали примѣромъ для лучшей земной жизни другъ другу, то къ братству и равенству было бы недалеко. Но кромѣ словъ, на міру примѣровъ самоотверженной помощи ближнему мало, а потому надо намъ дорожить безсребренной помощью монастырскихъ труженицъ. Лучшимъ доказательствомъ моихъ краткихъ здѣсь мыслей была бы популярно и точно изложенная книжка о томъ, что сдѣлалъ и дѣлаетъ для народа нашъ Исполній женскій монастырь. Онъ, именно, есть тотъ живой примѣръ, о которомъ я выше говорилъ. Онъ, какъ видите, даже и говорить о себѣ, по христіанскому смиренію, не желаетъ, но дѣлаетъ великое показательное религіозное и мірское дѣло.

Закончу свою замѣтку уже только объ одномъ Турковицкомъ монастырѣ. Онъ находится вблизи села Турковицъ (Грубешовск. у. Любл. г.) при рѣчкѣ Гучвѣ, за которую сейчасъ же на другомъ берегу видныются валы бывшаго тамъ города Червеня. Нынѣ тамъ юится небольшая деревушка Чермна и довольно порядочный фольварокъ, принадлежащий, кстати сказать, тамъ же живущему боячу—еврею. Большая часть этого знаменитаго

нашего городища приходится какъ разъ подъ фольварковыми ланами, и никакихъ видимыхъ слѣдовъ, кромѣ невысокихъ насыпей на мѣстѣ Червеня нѣть и не видно, да и насыпи эти и все вообще городище покрыты посѣвами и позднѣйшими постройками. Въ народѣ и до сихъ поръ сохраняются разнообразныя легенды о всякихъ скарахъ въ подземельяхъ Чермна, въ потайныхъ погребахъ, въ земныхъ норахъ. Никто однако этихъ скаровъ не видѣлъ и не раскопывалъ. Впрочемъ, не въ скарахъ тутъ дѣло: ихъ хранить молчаливая земля до своего времени, когда они откроются людямъ науки, цѣнителямъ родной старины. А вотъ никто до сихъ поръ ни въ малѣйшей мѣрѣ не позабылся хотя о какомъ—нибудь памятникѣ на мѣстѣ славнаго Червеня, о какомъ—либо полезнѣмъ учрежденіи для окрестнаго народа: пріютѣ, больницѣ или показательно прикладномъ заведеніи. Вѣдь въ старину имѣнѣ—червенцы, червоноруссы—назывались обитатели громаднаго южно-русскаго княжества, заходившаго отъ Кіева до Карпатскихъ горъ, отъ Бѣлой Руси до границъ Польши. Да и теперь еще даже за границей, въ Австрійской русской Галиціи, русскіе люди именуютъ себя червоноруссами. Это все, какъ видите, отъ имени находящагося здѣсь уже угасшаго пепелища Червеня. Кто интересуется судьбами древніаго Червенскаго княжества, толькъ подробно можетъ узнать о нихъ въ книгахъ Лонгинова „Червенскіе города“. —Кто—же, спрашивается, воскрешаетъ память этого славнаго города, этого знаменитаго въ исторіи достоянія князей Даниила и Романа? Да никто, только втихомолку разростающейся описываемый Турковицкій женскій монастырь, уже нѣсколько сотъ лѣтъ имѣющій на томъ же мѣстѣ скромную обитель, на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, становъ стояли турки—татары, облегая при нашествії Батыя сильный тогда градъ Червень. Съ этой далекой поры и нестало Червеня,—время, конечно, слишкомъ большое, чтобы при послѣдующемъ угнестеніи Руси угласли совершенно всякие слѣды городища.—Теперь новые слѣды его, на границахъ червенскихъ валовъ, въ этомъ монастырѣ, таковы: изящный храмъ, недавно построенный, обновленная старая церковка и нѣсколько домовъ для монахинь. Въ этомъ году строится громадный двухъэтажный каменный домъ для сиротскаго училища и на праздникъ Покрова Пр. Богородицы въ семъ-же году состоялась закладка большого каменнаго Народнаго дома. Предполагается постройка громаднаго собора и разныхъ зданій для духовной и культурной пользы народа. Предположенія эти, дастъ Богъ, незадолго осуществятся, такъ какъ по достовѣрнымъ слухамъ, Турковицкій монастырь уже обладаетъ громадной суммой пожертвованій. Вотъ это-то и есть, что я называю оживющій Червень, пограничный оплотъ силы русскаго духа, живая связь съ зарубежной Червонной Русью.—Мѣсто его расположенія—большая, ровная, сухая поляна въ сосновомъ лѣсу, гдѣ достаточно простору для множества построекъ. Эта обширный просторъ ежегодно заливается волнами тысячи богомольцевъ въ дни храмовыхъ праздниковъ, по числу такъ-же, какъ и въ Холмѣ. Первымъ русскимъ двигателемъ къ оживленію Червеня—Турковицъ надо назвать г. Лѣб-

лийского Губернатора, Камергера Двора Его Величества, Е. В. Мънина, уже давшаго крупную личную жертву на русскую славу.

В. Ткач.

Знаменательный день Лѣснинского Св.-Богородицкаго Женскаго монастыря.

19 октября Лѣснинский монастырь торжественно отпраздновалъ первое 25 лѣтіе своего основанія. Небольшой промежутокъ времени прошелъ съ этого дня, но пережитое и перечувствовано за эти четверть вѣка много. 19 октября 1885 года приѣхала м. Екатерина въ Лѣсну, она нашла только храмъ, нынѣ соборная церковь, и небольшой каменный домикъ, полуразрушенный. Съ ней вмѣстѣ прибыли первыхъ насельницы будущей обители, пять сестеръ и двѣ дѣвочки. Лишеніями, испомѣримыми трудомъ, молитвою и слезами начали возвращать прибывшія обитель. Сколько вложено въ это святое дѣло проевѣщенія малыхъ сихъ, любви, энергіи, ума, силъ, желѣзной воли, это показываетъ все видѣнное нами въ настоящее время, и польза этого ясно сама за себя говоритъ. М. Екатерина, въ мірѣ графиня Евгения Борисовна Ефимовская, происходитъ изъ знатнаго дворянскаго рода, ея родоначальниками были си. Владимиръ Равноапостольный, Михаилъ Тверской, Андрей Боголюбскій и другіе. И вотъ великая подвижница, отказавшись отъ всѣхъ мірскихъ иществъ, береть на себя иго иноческаго служенія Богу и ближнимъ. „Нѣтъ болѣе любви, какъ положить душу свою за други своя“. И эти евангельскія слова примѣнныы полностью къ м. Екатеринѣ: она живетъ только любовью къ ближнимъ. Встрѣченная окружющимъ населеніемъ сперва недовѣрчиво и даже враждебно,—м. Екатерина и сестры обители въ настоящее время пріобрѣли вполнѣ довѣріе и расположение окрестныхъ жителей, вліяніе же свое упрочили черезъ школу и дѣла благотворенія. Часто, не имѣя средствъ для собственнаго пропитанія, отказывая себѣ въ самомъ необходимомъ, они отдавали все на пользу ближнему, свято вѣря, что рука дающаго не оскудѣтъ. И Господь имъ явидимо помогалъ. Не поддаются описанію события, видѣнныя, слышанныя, прочувствованыя и пережитыя въ тотъ юбилейный праздникъ 25-лѣтія основанія Лѣснинской обители и настоятельства выскочитимо усердной труженицы на нивѣ Христовой м. Екатеринѣ; надо было быть въ обители и видѣть все происходившее: ту все оживляющую и все воскресающую любовь къ ней всѣхъ не только иконий, дѣтей, но всѣхъ вообще говорившихъ рѣчи, восхвалившія ея дѣятельность, доброту и ласку.

Торжество празднованія юбилея началось съ вечера 18 октября Всенощнымъ бдѣніемъ, которое было совершено архимандритомъ Серафимомъ въ сослуженіи 10 священниковъ и 3 діаконовъ; храмъ былъ великолѣпно освѣщенъ; когда запѣли „Хвалите имя Господне“, десятки икоховыхъ нитокъ были зажжены, змѣйками струились огоньки къ большому верхнему карнизу храма, обставленаго свѣчами; нѣсколько мгновеній и по всему храму разлихъ свѣты, всѣ карнизы, выступы иконостаса

и иконы, хоры были обставленаы зажженными свѣчами: зрѣлище получалось весьма красивое. На срединѣ храма, передъ солеи, былъ поставленъ образъ Лѣснинской Божіей матери съ изображеніями вокругъ всѣхъ престоловъ и придѣловъ, празднуемыхъ Лѣснинской обителью. Икона эта сооружена по подпіску духовенства, сестеръ обители, друзей, почитательницъ и почитателей въ память 25-лѣтія основанія Лѣснинского монастыря и настоятельства игуменіи Екатерины. Шестопсалміе на утрени было прочитано по срединѣ храма самой мастистой юбиляршей. Порядокъ Богослуженія былъ тотъ-же, что на св. Троицу; всенощная началась ровно въ 6 часовъ и кончилась въ 10^{1/2}, часовъ вечера. Всѣ зданія, примыкающія къ собору, и площадь вокругъ него были красivoукрашены національными флагами и зеленью..

На главныхъ воротахъ, былъ изображенъ юбилейный XXV г., составленный изъ разноцвѣтной матеріи, украшенной флагами. 19 октября божественная литургія началась въ 10 часовъ утра; литургія совершилась архимандритомъ Серафимомъ въ сослуженіи 10 священниковъ. Передъ началомъ богослуженія духовенство направилось къ покоямъ, занимаемымъ архимандритомъ Серафимомъ, чтобы идти въ соборъ. За архимандритомъ шли игуменія-юбилярша въ сопровожденіи игуменій монастырей Теолинскаго—Людмилы, Радечницкаго—Асанасіи, Красностокскаго, Гродненской епархіи—Елены и Вировскаго—Сусани, прибывшихъ поздравить м. Екатерину съ ея юбилеемъ. У входа въ храмъ они были встрѣчены священникомъ.

Всльдь за симъ началась божественная литургія. Послѣ причастнаго стиха было сказано о. Алексѣемъ, священникомъ Лѣснинской обители, прекрасное сердечно-прочувствованное слово о 25-лѣтіи дѣятельности м. Екатерины въ Западномъ краѣ. Послѣ заамвонной молитвы архимандритъ вышелъ въ сослуженіи 16 священниковъ на средину храма для служенія молебна. Молебенъ былъ отслуженъ Пресвятой Богородицѣ и Св. Великомуч. Екатеринѣ. Въ концѣ молебна было провозглашено обычное многоязычіе. Затѣмъ изъ собора вышелъ крестный ходъ и обошелъ вокругъ храма, остановливаясь на четырехъ сторонахъ для литіи и освѣнія св. крестомъ, собравшихся молящихся. Сооруженную въ память 25-лѣтія икону несли во время крестного хода 4 мантійныя монахини. По окончаніи крестного хода духовенство возвратилось въ соборъ, а икону понесли въ большой школьній залъ, где уже собирались депутатіи для поднесенія поздравленій юбиляршѣ.

Хоръ монахинь и дѣтей монастыря, какъ во время всенощной, такъ и во время литургіи великолѣпно исполнилъ многія чудныя, приготовленныя на этотъ день пѣснопѣнія; прекрасно были исполнены „Вѣрую“ и запричастный тропарь Св. великомученіцѣ Екатеринѣ, переложенный на пѣніе учительницей Е. Хрусталевой. Въ соборѣ на богослуженій присутствовали супруга Генераль-Губернатора М. И. Скалонъ, Н. А. Эссенъ, баронесса О. К. Корфъ, настоятельница Варшавской общины Краснаго Креста Т. П. Ровнякова, помощникъ Генераль-Губернатора по польской части генераль-лейт. Л. К. Утгофъ, прибывшіе въ 8 часовъ утра въ монастырь изъ Варшавы, чтобы принести м. игуменіи свое поздравление. Сейчас же по пріѣздѣ осмотрѣны были иконостасы хозяйственныхъ постройки монастыря: маско-

бояня, свѣчной заводъ и друг. Затѣмъ, прослушавъ, литургію, молебенъ, обошли храмъ вокругъ съ крестнымъ ходомъ; затѣмъ посѣтили антеку и больницу монастыря. Много собралось въ обитель на этотъ юбилейный день почитательницъ, почитателей и друзей изъ разныхъ городовъ и весей, прибывшихъ, чтобы поздравить великую труженицу юбияршу.

Въ 2 часа собрались всѣ насельницы, насельники, дѣти и депутатіи въ большой школьной залѣ, привившей парадный видъ; стѣны и колонны ея были украшены зеленью, цветами и разноцвѣтными флагами. Раздалось пѣніе „Достойно есть“, вошелъ архимандрій, а за нимъ игумены Екатерина и Нина и почетные гости: супруга Генераль-Губернатора М. И. Скалонъ, Н. А. Эссенъ, баронесса О. К. Корфъ, генераль-лейтен. Л. К. Утгофъ и многіе другие. По окончаніи обычнаго молитвословія рѣчь говорилъ о. Алексѣй, преподаватель Лѣснинской школы, и поднесъ сооруженный по подискѣ духовенства, сестеръ обители, друзей, почитательницъ и почитателей большою образъ (16×20) Лѣснинской Божіей Матери съ десятю образами вокругъ, художественно исполненный въ живописной мастерской Св. Троицкой лавры. За нимъ игуменія Радечницкаго женскаго монастыря Афанасія съ 4 сестрами поднесла образъ Св. Антонія Печерскаго и сказала прочувствованную и сердечную рѣчь о любви и отношеніяхъ, которыя испытывала м. Афанасія, будучи духовною дочерью м. Екатерини. Игуменія Теолинскаго монастыря Людмила съ 3 сестрами и игуменія Вировскаго монастыря Сусанна съ сестрами своей обители поднесли образа и сказали привѣтствіе; Красностокскаго монастыря Гродненской епархіи игуменія Елена, тоже духовная дочь м. Екатерини, сказала весьма сердечное слово и поднесла икону св. Алексія митрополита съ лампадой къ нему (на оборотѣ иконы сдѣлана надпись: „первой учредительницѣ церковно-учительскихъ школъ въ Западномъ краѣ отъ ученицъ Красностокскаго женскаго монастыря въ память 25-ти лѣтія Лѣснинской обители“), а такъ же передала небольшую икону Спасителя, присланную отъ преосвященнаго Михаила, епископа Гродненскаго.

Душевно и просто сказала рѣчь благочинная монастыря, инокиня Дорофея, припомнила весь 25-лѣтній періодъ трудовъ и лишеній, перенесенныхъ юбияршой? Сестры обители поднесли м. Екатеринѣ коверъ своей работы, весьма недурно исполненный, ири чемъ сестра Анисія сказала теплую рѣчь объ отношеніи м. Екатерини къ сестрамъ, какъ родной матери къ своимъ дѣтямъ. Дѣвочка 4 лѣта пріюта малолѣтокъ продекламировала стихотвореніе, составленное ко дню юбилея учительницей Е. Хрусталевой. Каждая школа подносила отъ себя и говорила свое привѣтствіе, о тѣхъ благахъ, которыя они получаютъ въ стѣнахъ Лѣсны. Отъ школъ поднесли художественно написанный церковно-славянскимъ шрифтомъ, дѣвочками ученицами церковно-учительской школы, въ красномъ плюшевомъ переплетѣ съ вышитымъ желтымъ шелкомъ текстомъ „Акаистъ Св. Великомученицѣ Екатеринѣ“. Завѣдывающая варшавскимъ потокскимъ подворьемъ инокиня Анна поднесла образъ и просфору на деревянномъ рѣзномъ блюдѣ, покрытомъ вышитымъ полотенцемъ; полковникъ Федоровъ поднесъ образъ св. Стефана Пермскаго; войть гмины Витулинъ съ крестьянами

этой гмины поднесли образъ Спасителя. Бѣльская-учительская семинарія и варшавская Елизаветская обѣщина Краснаго Креста поднесли прочувствованыи-адресы. По окончаніи приема депутатій супруга Генераль-Губернатора М. И. Скалонъ съ сопровождавшими ее лицами отбыли на станцію Бѣла къ курьерскому поѣзду.

Затѣмъ для всѣхъ насельницъ, насельниковъ, гостей и депутатій гостепріимными матушками была предложена монастырская трапеза въ сестринской столовой; обѣдало около 600 человѣкъ. Во время обѣда были прочитаны полученные телеграммы (болѣе 50) отъ высокопреосвященнаго Николая, архиепископа Варшавскаго, Евлогія, епископа Холмскаго, Михаила Гродненскаго, Владимира Вѣлостокскаго, Меѳодія Смоленскаго, отъ Троицкаго братства, отъ протоіереевъ Каллистова, Глинскаго, Мизецкаго, Ковалницкаго, Коньева, архимандрита Діонісія, предсѣдателя Совета Министровъ статьи—секретаря Столыпина, сенатора Нейгардта, губернатора Волжина, Владимира Бобринскаго и многихъ другихъ..

Вечеромъ состоялся литературный вокально-музыкальный вечеръ въ Лѣснинской церковно-учительской школѣ, состоявшій изъ двухъ отдѣленій. Всѣ номера программы были весьма продуманно и прекрасно исполнены; особенное вниманіе обращало стихотвореніе „19 октября 1910 года“, написанное учительницей Е. Хрусталевой и прочитанное ученицей церковно-учительской школы М. Грабенко. Въ этомъ стихотвореніи рельефно и мастерски выведена тонкими штрихами вся біографія м. Екатерини; такъ же прекрасны слова и музыка юбилейной канцаты, соч. учительницей Е. Хрусталевой, исполненной хоромъ церковно-учительской школы. Въ заключеніе было исполнено „Славься Ты, славься, наинъ Русскій Царь“, послѣ чего былъ пропѣтъ гимнъ, два раза повторенный.

М. Б.

Извѣстія.

Пониженіе процентовъ по вкладамъ въ сберегательные кассы. Въ настоящее время, какъ известно, Государственные сберегательные кассы платятъ 4 процента въ годъ по денежнымъ вкладамъ, вносимымъ на сберегательные книжки, т. е. на каждые 100 руб., внесенные въ кассу нарастаетъ за годъ по 4 рубля процентовъ. Съ 1го же января будущаго 1911 года Государственные сберегательные кассы будутъ платить несолько меньшій процентъ, а именно — по $3\frac{6}{10}$ %, т. е. на каждые сто рублей по 3 руб. 60 коп. въ годъ. Само по себѣ это пониженіе весьма незначительно и не должно отозваться на размѣрахъ оборотовъ сберегательныхъ касъ, тѣмъ болѣе, что четырехпроцентный ростъ былъ установленъ лишь недавно, а именно съ начала 1906 года, когда денежный рынокъ въ Россіи вообще переживалъ недостатокъ въ капиталахъ и проценты по всѣмъ государственнымъ займамъ были увеличены. До 1906 года сберегательные кассы платили тѣ же $3\frac{6}{10}$ процента, какъ и будутъ платить съ 1911 года.

Редакторъ М. П. Кобринъ.